

8.10.94

«Другим становится мой муж»

Меня почему-то вдруг потянуло к Шуману. Стала вспоминать, а то и разбирать его «Вечер», «Ночью», «Лестные листки», «Арабески»... Поделилась своим настроением с мужем.
— Я считаю Шумана композитором второго разряда, — отрезал он.

— А Шуберта? — спросила я, зная его любовь к нему.
— А Шуберта — первого.
— Но ведь это так, он не ниже.
— Давай спросим у Ростроповича, Юдиной — ведь мы знакомы с такими авторитетами!..

Одним словом, оказалось, что мнение обо всем имеют право иметь лишь авторитеты да еще Солженицыны.
Другим становится мой муж. Самовзренный... Безапелляционный... А порой и заносчивый...
Но сказать ему об этом — нельзя. Услышши в ответ: «Ах, тебе не нравится, уеду!» Ведь к его услугам и комната в Москве у женщин Чуковских, и Переделкона Корнея Ивановича, да и всякие другие приглашения!

«То было в 37-м году»

Однажды я воспользовалась хорошим настроением мужа и заговорила с ним о своей мечте уйти с работы, — согласилась со мной муж.

К концу учебного года мне уже исполнился 50! Неужели же получу наконец желанную свободу?..

А пока что договариваемся, что если муж задержится, то через две недели я, как-нибудь, выскоблю себе два-три дня, приеду к нему, и мы проведем их вместе либо в Борзовке, если позволит погода, либо в Москве, либо в Переделкона Чуковского.

Накануне отъезда муж говорит мне: «Ты помнишь, какая сегодня дата? В этот день я впервые взял тебя под руку».

На сердце у меня стало тепло. То было в 37-м году, то есть 31 год тому назад! Кажется, что никакого временного разрыва у нас и не было. Наше прошлое и наше настоящее полностью смыкались, создавая ощущение, что мы вместе всю жизнь.

«Забота мужа — не для меня»

В середине января (1969 г. — Ред.) я свалилась в постель в жестокой ангине. Мама хлопочет возле меня. Но мне все же так недостает присоскования теплой ладони мужа ко лбушку сочувственных слов... Нет, об этом лучше не мечтать, не думать вообще. Постоянная забота мужа — это не для меня.

«Жена должна быть покорной»

Совсем недавно, приехав в Давыдову и почувствовав себя ощущением линейки, я не вытерпела: «Тебе не нужна жена, тебе не нужна семья!»

— Да, мне не нужна жена, мне не нужна семья, мне нужно писать роман, — отвил я в раздражении. А ведь роман-то у него как раз в то время не писался!.. На следующее утро, когда муж подошел ко мне с обычным приветствием, я сказала:

— Считай, что у тебя нет жены.

Он попытался оправдаться: что уж такого особенного накануне сказал? Но я решительно встала, оделась и, не выпив даже чаши кофе, выбежала из хаты и уехала в Рязань. Тот день был сочельник. Занималась со студентами, а на душе был камень.

А в это Рождество муж позвонил по телефону и ласковым голосом сказал, что уже приехал в Рязань и сейчас будет дома. Разумеется, я смиглилась. Мир был восстановлен. Но pronto ли это?..

Я сказала мужу, как меняется характер моего мужа, как растет его требовательность к людям, его самоуверенность, как меняются его оценки людей и их поступков, как много стоят на нем не прощаются... Ушло в Лето то время, когда он писал мне, что «нет в мире виноватых». Теперь он, например, не прощает Твардовскому, что тот напечатал «Ивана Денисовича» лишь 11 месяцев спустя после его прочтения, не прощает мне, что удар 64-го года (наша первая личная драма) оказался для меня тяжелее удара 65-го (изъятие архива). Мне он вообще не прощает многое. В голове вдруг начали толпиться все его упреки последнего времени:

«Ты, как Олегин, который всю жизнь метался, потому что не имел стержни жизни». (А я наивно думала, что любовь к мужу и есть этот стержень!)

«Тебя испортили аплодисменты!» (Это — когда я выступала 20 лет тому назад в концертах...)

«Вас неправильно воспитывали. Жена должна быть покорной!»

«Мне никто не нужен»

Через пару дней я уехала в Москву, чтобы в тот же день ехать в Цхалтуби. Проводила меня к поезду Александр Исаевич и друг предложил мне взять написанное им для меня письмо. По его намекам я поняла, что этим письмом он как бы давал мне полную свободу развлекаться, как только я захочу. Я расстроилась, расплакалась, взвыла письмо отказалась.

Я люблю тебя. Кроме тебя, мне никто не нужен, — сказала я мужу.

Когда я расплакалась, Саня сказал мне, что только что думал о том, какая я у него «елзиана». Но это меня не утешило. «Только ты и ценишь во мне?»

«Я кажусь себе букашкой»

Александр Исаевич недоволен, что я так чувствительна к кипризным природам. Как можно расстраиваться из-за этого? Что это все в сравнении с мировыми проблемами?.. Так-то он так, а все-таки... Я прошу его быть ко мне снискходительней. Ведь я очень стараюсь обрести равновесие, устойчивый интерес к жизни. Я кажусь себе букашкой, которая с трудом карабкается вверх, а мой муж способен в один миг сказать горькими словами сбросить ее на землю, и все-таки букашка снова начинает ползти вверх.

«Нас хотели разлучить»

27 апреля (1970 г. — Ред.) — наш 25-летний юбилей. Мама восприняла его как самую настоящую серебряную свадьбу и подарила набор чайных серебряных ложечек.

Праздничный обед в кругу близких. Случайно к обеду привели две наши пожилые приятельницы — сестры Герасимы: Анна Михайлова и Татьяна Михайлова, у которых мы встречали Новый 1969 год. Муж поднялся и предложил тост:

— Нас хотели разлучить, но теперь выпьем за то, чтобы до гроба быть вместе!

Вышли я и, не спросив никаких разъяснений, сто раз спросила: «Может, и нас несколько странная встреча после почти одинаковых разлуки связана была с этим туманным введением: «Нас хотели разлучить?..» Но окончание тоста прозвучало так упомятально, что не хотелось: ни о чем допытываться, ничего уточнять. Ведь, сказал: до гроба вместе! Навсегда вместе, навсегда родные. Так стоит ли обращать внимание на какие-то корявости в отношениях? Стоит ли огорчаться из-за них?.. И я охнула.

«Неужели ему вообще никто не нужен?»

Александр Исаевич последнее время частенько упрекал меня в строптивости, хотя те, кто наблюдал нас вместе, удивлялись другому и даже советовали мне не быть такой уж послушной женой.

Я была на открытии веранды, когда он с сородиченным лицом прошел мимо. Я склонила голову.

— Саняша, ты почему такой хмурый? Ведь я приехала покор-най... Ох чуль-чуль повернула голову, но, ни голосом, ни взглядом не ответил на мою вопросительную улыбку, молча пошел к калитке... Я стала сама ее звать. Мы не виделись всего несколько дней. Куда дедалась его доброжелательность, ласковость?.. Что же такое случилось?

...Выходит, что я нужна своему мужу более всего в качестве рабочей лошадки. А самое ценное для него — полное одиночество. Неужели его писательство стало совсем несносимо с людьми, даже самыми близкими? С теми, кто непрощенно вторгается в его вымышленный мир и разрушает его? этот вымышленный мир?.. Неужели ему вообще никто не нужен?

«Ты вырвала у меня еще не созревшее решение»

Вероятно, в тот вечер, накануне маминого праздника, мне следовало сдержаться. Но это было свыше моих сил... Когда мама удалилась в свою наушную нижнюю комнату, я поднялась к мужу и спросила:

— Скажи мне, что значит твоё поведение? Ты что, возненавидел меня? Или хочешь, чтобы я тебя возненавидела?..

Произошла перепалка. Александру Исаевичу был очень раздражен, уходил от объяснения, тверди, что я должна терпеливо сносить его настроения. Мало ли какие они могут быть?..

Вконец расстроенная, я, не зайдя уж к маме, не взяла оттуда постельных принадлежностей, повалилась на раскладушку на закрытой веранде нашей и так и осталась на ней до утра — в чём была, не раздеваясь. «Это все мне за Борю!» — шептала я оставленном мною пасынке. Спала совсем мало. Рано встала. Заставила себя приобрети, Если что и предпринять — то не сегодня же, в таком дне... Как и каждое утро в Борзовке, спустилась в нашу купальную, прятавшуюся в гуще ив и сльхи, и окунулась в милую мелководную прохладную Истру.

После чего вошел в свою комнату, несколько мгновений оттуда не донеслось ни звука. Он читал мою записку. Из комнаты прошел в кухню, открыл холодильник и, увидев, что там почти ничего нет, сказал вслух:

— Зато у тебя предельно наполнено... слабо отозвалась я.

— Ты... здесь? — он вбежал ко мне растерянный. — Ты была в Москве? прочла письмо?

— А этого ничего не было? — спросила я в свою очередь, указывая на наши счастливые лица на фото.

— Пробежала. И порвала.

— Порвала письмо, которое я писал тебе целую неделю?.. Впрочем, я предполагал это.

— Нет. Но лучше скажи все так, без письма.

— Нет. Сначала прочти.

Дав мне копию письма, муж пошел в «большой дом».

И вот опять в моих руках те же страницы. Я не могу как следует соредактироваться, во все вникнуть. Теперь я хочу знать еще только одно: кто она, эта женщина?

Там было еще много, очень много, но голова не в состоянии было это многое вместить.

«И вдруг я догадалась...»

И вдруг я догадалась, у кого должен родиться ребенок от моего мужа. Незримо зашивались и завязывались клочки в моем мозгу, и то, что лежало на разных полочках памяти, внезапно соскочило с них и соединилось вместе. Я поняла, что она, будущая мать ребенка, хотя не знала ее, не видела никогда да и почти ничего о ней не слышала.

Ранее всего я сообразила, что ее зовут так же, как и меня. Вспомнила, как однажды этим летом сказала мужу, что вокруг него много Наталий. А он на это ответил:

— Да, даже слишком много...

Всем таким знакомым Наталиям было немало лет, а этой лишь 29. Впрочем, в письме мужа было написано: «Не думай, ради Бога, ни на кого знакомого, только ошибайся.»

Наталий зовут дядя Екатерины Фердинандовны Светловой... И уж ей-то вполне может быть 29 лет — ведь Екатерина Фердинандовна мне ровесница. Не потому ли за все лето она ни разу к нам не привезжал?

Я сказала мужу, что догадалась, кто эта женщина. Он не сразу, но в конце концов сознался, что я угадала верно. Только тогда узнала, что Екатерина Фердинандовна — еврейка. [Как это противоречило его устаревшим представлениям о том, каких женщин он не смог бы полюбить!..]

О ней Александр Исаевич говорил хорошо. Она честная девочка, делает ему все, что нужно, и будет верна его ДЕЛУ даже в том случае, если у нее будет другой мужчина. Одним словом, она годится ему в подруги жизни.

«Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье»

После пережитых бурь наступило затишье. Вечер того дня был у нас не просто хорошим, а даже счастливым. У меня — небывалый прилив энергии: пилигрим, пеку в духовке яблочки с сахаром. Саня заметил чудо моего превращения.

— Как ты похорошела! — удивился он. И то ли в первые свежего увлечения мною, то ли видя в этом неожиданный выход, восхипнулся:

— Ну я тебе спасибо! — сказала я. — Но я тебе спасибо!

— Ну я тебе спасибо! — сказала я. — Но я тебе спасибо...

— Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье — удержать до следующей встречи, когда оно продолжится... А следующий раз я тебе спасибо!

— Но я тебе спасибо! — сказала я. — Но я тебе спасибо...

— Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье — удержать до следующей встречи, когда оно продолжится... А следующий раз я тебе спасибо!

Сажая меня в кровать, Саня целует меня, горячо целует в губы.

— У тебя такие вещи, езжай сразу на свою квартиру!

Я молча киваю. А внутри — какая-то беззлобная радость: теперь я могу его обманывать, теперь он не будет знать, где я, куда еду...

Сколько лет он прятал от меня свою жизнь! Теперь моя жизнь должна стать для него загадкой!

«У меня было ощущение, что по мне едут танки»

Он — за рулём. Я — рядом. Сказала ему, посыпавшись, что буду для него самой дорогой любовницей: квартира мне будет стоить 35 рублей в месяц!

— Ты приехала спешить?

И, держа руль левой рукой, а правую положив мне на колени, успокоительно произнес:

— Ты и есть самая дорогая. Ведь столько прошло...

Еще привычной дорогой. Говорим о разном. Однако не прошло и полчаса, как Саня насторожился:

— А ты мне не пишишь привет?

— Но я должна почувствовать ее душу перед тем, как решиться на развод, как ты говоришь, формальный...

Вместо этого, чтобы помочь мне поверить, что юридический развод станет фактическим разводом лишь в самом исключительном случае, я ему напомнила, что он сам не может мне помочь (здесь я не могу сказать, что он сам не может помочь, но я не могу помочь ему), и насторожился:

— Ты думаешь, что я соглашусь быть не женой ему, а любовницей?! А если... не соглашусь...?

— Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье — удержать до следующей встречи, когда оно продолжится... А следующий раз я тебе спасибо!

— Ты делаешь мне спасибо...

— Но я должна почувствовать ее душу перед тем, как решиться на развод, как ты говоришь, формальный...

— Единственный способ, как я могу помочь тебе, — это поговорить с ней...

— Но я должна почувствовать ее душу перед тем, как решиться на развод, как ты говоришь, формальный...